

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ

Бурные академические дебаты в среде западноевропейских и американских исследователей, развернувшиеся со второй половины 1960-х гг. по многим проблемам истории и современного состояния общества, привели к концептуализации категории гендера, обретшего статус равнозначный по значимости с категориями класса и расы. До этого времени анализ дифференциации общества по принципу пола/гендера не проводился, работы в области истории, политологии, социологии едва упоминали женщин¹. Центральный дискурс исторических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и их интересы как группы, концептуально несовместимы с историческим исследованием. Еще точнее, теоретики определяли территорию «истории», тесно переплетенной с территорией публичной политики в терминах «отсутствия» гендера.

На первый взгляд, отдаваемый приоритет в скупулезном изучении и преподавании войн и боевых действий, изучение экономического развития стран и регионов не имеет ничего общего с исключением женщин. Но это не совсем так. Действительно, отсутствие последних в армиях и тем более в руководствах, вроде бы не дает повода для разговора о них. Но конструирование знания таким образом, когда огромным группам населения в нем просто не находится места, своим следствием имеет и формирование соответствующего отношения к этим группам людей — как к «иным», «ненастоящим». На этом же фоне практически не исследовалась роль женщин в сферах, где они были наиболее «видимыми», — в семейной, приватной жизни, по воспроизводству хозяйства семьи: серьезная наука отдавала предпочтение исследованию сфер, высокий статус которых был обязан вращению в них финансовых потоков, абсолютным преобладанием мужчин, и в целом манифестации и столкновениям мужских амбиций. Должен был состояться интеллектуальный прорыв для деконструкции традиционного знания и привычного подхода к изучению общества.

Множество «частных» тем, которые касались женщин, стали не только статусными, но и приобрели совершенно иное звучание в феминистском дискурсе. Рост феминистского движения и необходимость инкорпорировать демократические идеалы в научную теорию привлекли внимание к важности постановки вопросов, связанных с репрезентацией женских интересов и более широко — женского в культуре.

Развитие относящихся к женщинам исследований в исторической науке можно охарактеризовать парадигмой: полная невидимость, ограниченная видимость, видимость. Устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни и властных сфер имело следствием практически полное игнорирование их в исследованиях. И несмотря на то, что женщины участвовали, как в годы французской революции конца XVIII века, особенными и уникальными способами в революци-

онных трансформациях современного мира, этот факт не находил должного понимания у исследователей. Исключение составили лишь труды, посвященные великим женщинам маспгаба княгини Ольги, национальной героини Франции Жанны Д'Арк, императриц Екатерины Великой и Марии-Терезии, королевы Виктории и подобным им по значению и роли в мировой культуре и политике.

Большинство классических теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать во властных структурах, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Соответственно женщины и «женское» были спрятаны в исследованиях истории, для которых был характерен андроцентристский подход. Андроцентризм (от греч. andros — мужчина) — взгляд на мир с мужской точки зрения: действующее лицо («его») констатируется скорее как мужчина, чем как женщина, рассматриваемая в качестве пассивного субъекта.

Концепция, которая структурировала научный дискурс в классический период, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и частного пространств. Начиная с древних греков, концептуальное разведение их отражало классическое понимание частной области домохозяйства (oikos, или сфера репродукции) и экономики (polis, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, только публичная сфера характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Поскольку иерархические отношения рассматривались в качестве естественных правил в частной сфере, соответственно исключение женщин из публичной сферы опиралось на убеждение об их «естественной» неспособности переступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Поскольку женщины ассоциировались с частной подчиненной сферой, они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую и гражданскую жизнь; публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них.

Это было характерно для государств античной Греции, подобная ситуация имела место и в Древнем Риме: женщина абсолютно подчинялась домовладыке по Законам XII таблиц (середина V века до н. э.), и — в несколько меньшей степени — по семейным законам императора Августа (43 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Средние века не принесли изменения в социально-политическом статусе женщин. Даже в Новое время либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины. Питавшаяся идеями либерализма, великая французская революция конца XVIII в. оставила женщин даже с меньшим числом свобод, чем они имели до ее начала. Разделение между «правителями» и «управляемыми» становилось, социогендерным. Поскольку женщины замыкали в семейной сфере, а в хозяйственной жизни наделяли подчиненной ролью, они функционально были исключены из зоны политической, социальной и экономической свободы; публичная сфера не только существо-

вала без женщин, но и была настроена против них. Общественная жизнь стала миром, в котором правила и имели голос только мужчины.

Временем начала включения женской тематики в научную литературу по общественным наукам стали 1970-е годы. Произошло это в рамках сформировавшейся к этим годам «новой социальной истории». Многие западные историки обоснованно полагали, что объективное изучение прошлого и анализ современности невозможны без опоры на информацию, касающуюся положения в обществе, политике, хозяйственной деятельности обоих полов. И хотя предшествовавшая историография не признавала за различиями пола определяющего статуса, аналогичного таким ключевым категориям, как класс или раса, тем не менее, активно развиваясь, история женщин включила в сферу своих интересов почти все вопросы, имеющие отношение к их жизни в разные эпохи. Сама дисциплина «история женщин» за короткое время дала импульс созданию еще одного нового направления в историографии — «гендерной истории»².

Восстановлением исторического существования женщин, забытых или вычеркнутых из официальной «мужской» историографии, и созданием так называемой «her-story» («ее истории») в противовес «his-story» («его истории») занялось первое по очередности оформившееся направление в «женской истории». На этом этапе она была обречена в лучшем случае на параллельное существование с всеобщей, по сути безразличной к полу, историей. Заявившее о себе в середине 1970-х годов второе направление занялось изучением исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ. Стремясь связать «женскую историю» с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, его представители вводили в традиционный социально-классовый анализ фактор различия полов. Они определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик.

В 1980-е годы сложилось третье направление «женской истории», в котором ключевой категорией анализа становится *гендер*. Центральным предметом исследований выступает уже не «история женщин», а история гендерных отношений — отношений между мужчинами и женщинами, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между людьми в обществе.

Основные теоретико-методологические положения гендерной истории были сформулированы американским историком Джоан Скоттом в статье «Гендер: полезная категория исторического анализа», впервые озвученной в виде доклада на ежегодной конференции *Американской ассоциации историков* в декабре 1985 г. и через год опубликованной в *American Historical Review*³. В ее трактовке современное историческое знание развивается по траектории от как бы бесполой, всеобщей по форме, но по-существу игнорирующей женщин истории к ее зеркальному отражению — однополой «монологической» «женской истории» и

далее — к «диалогической» действительно *общей истории гендерных отношений*, а еще точнее, к обновленной и обогащенной социальной истории. Последняя, стремясь расширить понимание социального (и соответственно свое предметное поле), включила в него все сферы межличностных отношений как в общественной, так и в частной жизни. Результатом перехода от «истории женщин» к «гендерной истории» и появление исторических трудов в теоретическом контексте гендерных исследований дали мощный импульс научным дебатам о путях интеграции новой области в дисциплину всеобщей истории.

¹ В рамках марксистской историографии следует отметить две классические работы — Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и А. Бебеля «Женщина и социализм», которые в исторической ретроспективе анализируют причины подчиненного статуса женщины. Поскольку женщины-работницы угнетены капиталистической системой в той же степени, что и мужчины, а женщин разделяет принадлежность к разным классам, постольку не существует единых специфически женских интересов, отличных от классовых. Объединение женщин из разных социальных слоев возможно только для борьбы за преобразование капиталистического общества в социалистическое.

² См: Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // *Новая и Новейшая история*. 1997. № 6. С. 41–58; Репина Л.П. Смена познавательных ориентации и метаморфозы социальной истории. Часть I // *Социальная история*. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 11–52; Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // *Социальная история*. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 7–38; Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот «гендер»? (новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) // *Социальная история*. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 155–174; и др.

³ Scott Joan. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // Scott Joan. *Gender and the Politics of History*. New York., 1988. P. 28–52.

А. В. Булич

СИСТЕМА КАТЕГОРИЙ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

В гендерной истории, активно использующей категории социальной истории и междисциплинарные методы исследования, сформировался собственный категориальный аппарат. Фундаментальной категорией социального анализа выступает здесь понятие «пола-рода» (gender), которое называют также социокультурным полом и противопоставляют биологически детерминированному понятию пола-секса (sex.)¹.

Категория гендера призвана разрушить представления о неизменной биарной оппозиционности мужского и женского начала, уязвывая на социальный характер неравенства полов². Она включает в себя комплекс культурных символов, социальных норм и институтов, а также самоидентификацию личности³. Иными словами, категория гендера — это модель, состоящая из социокультурных и индивидуально-личностных компонентов, фундаментальное понятие, впитавшее в себя понятия другого, более низкого уровня, такие, как